

Андрей

КИВИНОВ

ЗОНА ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК

Зона личной безопасности

Андрей Кивинов

**Зона личной безопасности.
Испытательный срок**

«Автор»

2013

Кивинов А. В.

Зона личной безопасности. Испытательный срок /
А. В. Кивинов — «Автор», 2013 — (Зона личной безопасности)

Новобранец отдела собственной безопасности полиции Роман Фокин проходит испытательный срок. Первое же дело ставит его перед серьезным выбором. Человек, спасший ему жизнь, подозревается в убийстве. И теперь только от Фокина зависит, будет ли преступление раскрыто и останется ли он в рядах борцов с оборотнями... Не существует испытательных сроков. Каждый день жизни – испытание.

Содержание

Глава первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Кивинов

Зона личной безопасности.

Испытательный срок

Уважаемый читатель. Если по какой-либо причине вы не смогли прочитать книгу первую «Идеальный охотник» и вторую «Тревожная кнопка» трилогии «Зона личной безопасности», ниже приводится список и краткие тактико-технические характеристики основных действующих лиц.

Бойков Николай Васильевич – 33 года, майор полиции, старший оперуполномоченный отдела собственной безопасности полиции города Юрьевска. Человек со скачущим либидо и смещенным центром тяжести, говоря проще – ортодоксальный бабник, не желающий связывать свою счастливую жизнь с постоянной спутницей. В оперативной работе любит нестандартные комбинации, несмотря на то, что те иногда приводят к нестандартным последствиям.

Горина Ольга Андреевна – 30 лет, майор полиции, старший оперуполномоченный отдела собственной безопасности. Женщина непростого характера и как следствие сложной судьбы. В полицейских кругах имеет прозвище «Графиня» от слова «полиграф». Сотрудники, которых она курирует, воспринимают ее исключительно в негативном свете. Все, кроме Копейкина (см. ниже).

Родионова Светлана Юрьевна – 28 лет, оперативник отдела специальных операций ОСБ города Юрьевска, выпускница Средней специальной школы милиции. Имея симпатичную внешность, нагло пользуется этим в ходе проведения разовых внедрений и оперативных установок. Вынуждена жить двойной жизнью – по приказу никто, кроме самых близких родственников и коллег, не должен знать о месте ее работы. В силу чего – полная личная неустроенность.

Царев Борис Дмитриевич – 47 лет, полковник полиции, начальник Отдела собственной безопасности города Юрьевска. Имеет массу заслуг перед отечеством и еще большую массу прозвищ. Самые популярные «Царь-Борис», «БиДе», «Царь-пушка» или просто «Боря». Непримирымый борец с оборотнями, старается жить по совести, поэтому до сих пор не приобрел личную машину. Крепкий семьянин из двухкомнатной квартиры. Жена, дочь, больная спина.

Копейкин Кирилл Павлович – 32 года, капитан полиции, старший оперуполномоченный уголовного розыска территориального (Северного) отдела полиции. Бывший мотогонщик, в разводе, есть сын. Подозревается в ликвидации преступных лидеров, а в целом неплохой специалист, но слишком эмоционален, поэтому втихаря жрет антидепрессанты. Имеет нетрадиционные отношения с Гориной и традиционные с Бойковым. Последний мечтает его посадить, поквитавшись за личную обиду.

Чистов Антон Иванович – 50 лет, кандидат технических наук, мастер-умелец, отвечающий за шпионскую технику в ОСБ. В широких научных кругах известен тем, что подключил к интернету утюг и обновил его до последней версии.

Слепнев Виктор Михайлович – 35 лет, майор полиции, оперативник отдела по раскрытию убийств при Управлении внутренних дел города Юрьевска. Сам ничего давно не раскрывал, но курирует раскрытие другими резонансных убийств. Любит творчество Михаила Круга, особенно песню про централ. Кругл лицом и животом. Одним словом – эталон.

@Ris = Схема

Автор выражает глубокую признательность Игорю Галанову, Алексею Редозубову и Петру Соколову.

Глава первая

Ящерка пулей промчалась через песчаную дорожку, скрылась в мокрой траве и через пару секунд вынырнула возле покосившейся бетонной балки, вкопанной в землю. Подняла головку, осмотрелась и вскарабкалась по ней на полутораметровую высоту, словно человек-паук на небоскроб. Балка служила опорой стенда «Лучшие по профессии», сохранившегося со времен неразвитого социализма. Заголовок походил на древние письма майя, а с обрамляющих его чугунных веток то ли пальмы, то ли чертополоха давно осыпалась бронзовка. Ящерка пересекла стенд по диагонали, оставив едва заметные мокрые следы на лицах лучших профессионалов, после чего замерла на вершине, наслаждаясь выглянувшим из-за тучки кавказским солнышком.

Наверное, бедняга стенд давным-давно превратился бы в мусор и пошел на дрова, если бы не контртеррористическая операция, вдохнувшая в подгнившие доски и бетонную балку новую жизнь. Правда, назначение его теперь коренным образом изменилось. Ныне со стенда сурово глядели в мир бородатые физиономии объявленных в федеральный розыск так называемых повстанцев местного разлива. Анфас и в профиль, как и полагается в особо тяжких случаях. Под снимками содержался краткий перечень героических деяний, благодаря которым каждый из них имел полные основания считаться лучшим в своей профессиональной области – заголовок стенда отрядные юмористы решили не менять. И за каждое деяние можно смело ставить профессионалов к стенке.

Ночью прошел дождь, и лица на ориентировках осунулись от пропитавшей их влаги. Казалось, ударники террористического труда наелись лимонов. Мысль о том, что они способны морщиться от стыда за содеянное, в голову никому не приходила.

Рома улыбнулся. Он уже второй месяц здесь, на Северном Кавказе, в лагере сводного отряда УВД города Юрьевска, и brutальные физиономии лесных братьев успели осточертеть. А сейчас они трансформировались и напоминали страдальцев, кланчивших милостыню.

Он размял кисти рук, сделал пару приседаний и наклонов. Выпустил тельняшку поверх спортивных штанов. Поднял с травы ракетку и принялся набивать шарик.

Глеб закончил вытирать ветошью сооруженный из подручных материалов теннисный стол, и тоже принялся разминаться, только более обстоятельно, словно готовился к районному турниру. Упражнения на растяжку, на пресс...

Зрителей на поединке не будет. Среди всего отряда только Рома и Глеб играли в настольный теннис. Последний, собственно, их познакомил и сблизил. Еще там, в Юрьевске. Встретились год назад в зале при милицейской спортивной базе. Приходили два раза в неделю и рубились до синевы в глазах. Иногда принимали участие в ведомственных турнирах. Сближению способствовали и профессиональные интересы – оба работали операми криминальной полиции, хотя и в разных отделах. Иногда пересекались по службе – районы соседние, волей-неволей столкнешься. Близкими друзьями их назвать было нельзя, но дни рождения отмечали вместе.

– Ну, зачем, пожалуй... – кровожадно улыбнулся Глеб, сбросив с широких плеч камуфляжную куртку и тоже оставшись в тельняшке.

Рома в который раз с завистью оценил рельефную мускулатуру приятеля получившего в отряде прозвище «Халк». Популярные «Рэмбо», «Рокки», «Гоблин» и «Щварц» оказались заняты. «Халк» – приклеилось, но употреблялось только здесь. В мирной жизни его звали либо по имени, либо Туманом, от фамилии Туманов. Отрядное прозвище отражало не только некую внешнюю схожесть с героем комикса. Глеб и по натуре походил на зеленого монстра. Неразговорчивый, с постоянным угрюмым выражением лица, словно у шахтера, пятый месяц сидящего без зарплаты. При этом типичный холерик – порой взрывался по совершеннейшим

пустякам. Видимо, характер повлиял и на отношения с женщинами. Глеб находился в глубоком разводе, детей не имел, а от разговоров на любовную тематику старался уходить. С алкоголем тесную дружбу не водил и спортивный режим не нарушал. Если выпивал, то всегда знал меру. Привезенная с собой «читалка» с сотней серьезных книг намекала, что с интеллектом у Глеба полный порядок. «Неотесанный болван» – это не про него.

Роман астеничным юношей тоже не был. С пяти лет секция плавания, потом вольной борьбы. Но борьба длилась недолго – отчислили за то, что сломал сопернику ключицу. Вины его никакой – чисто спортивная травма, но соперник приходился внуком крупному чиновнику, поэтому на ковер Рому больше не пускали. Несколько лет назад, во время учебы в Питере, в электротехническом, увлекался греблей и настольным теннисом. И сегодня старался поддерживать форму, регулярно выбираясь в тренажерный зал. Но рядом с Глебом все равно проигрывал. Как качок-самоучка рядом с чемпионом мира по бодибилдингу. И ведь никаких биостимуляторов, только натура. Рома вообще понять не мог, зачем Глеб в свое время подался в менты. С его данными вполне можно сделать карьеру в более приличном месте. В кино, например – если, разумеется, кино считать более приличным местом. Или в охранном предприятии. А так – обычный опер.

Рома никакого звонкого прозвища не имел, только банальное Фока, производное от фамилии Фокин.

– Доска промокла, – заметил экс-борец, поправляя сетку, – отскока не будет.

– Плохому танцору – собачья смерть...

Глеб привычным жестом прокатал шарик ракеткой по столу и, послушав звук, удовлетворенно кивнул.

– На подачу!

Ящерка со стенда наблюдала за шариком, в результате у нее закружилась голова, и она грохнулась в траву, зацепив в полете хвостом бороду одного из находящихся во всероссийском розыске «профессионалов».

Игра в настольный теннис на самодельном столе, поверхность которого ведет свою родословную от двери полусгнившего сарая, а рельефом местами напоминает морду шарпея, требовала от участников максимальной концентрации. Шарик проявлял порой подлинные чудеса изобретательности, отскакивая совершенно непредсказуемо и хитроумно уворачиваясь от вроде бы правильно подставленной ракетки. Сэр Исаак Ньютон, наблюдай он за поединком, ни за что бы не поверил, что угол падения может быть равен углу отражения. Хотя бы приблизительно. Так что реакция – реакцией, но и везение в такой игре не последнее дело.

Фортуна же, женщина хоть и капризная, но – женщина, а потому благоволит, в первую очередь, к мужчинам сильным. Рома с огромным трудом отбивался от настойчивых атак друга. Халк-Туманов дубасил по шарикку почти с детским азартом, рычащими воплями приветствуя каждый удачный удар и отчаянно ругаясь, угодив в сетку или мимо стола. Вопли раздавались значительно чаще ругательств.

– Жестче ракетку ставь! Жестче! – командным тоном подсказывал Глеб, – шарик не женщина, гладить не надо! Соберись, салабон!

Совет не помогал. Спасать Рому могло только чудо или купленный судья. Но рубились без судейства.

И чудо свершилось. Вернее, явилось. В миру это чудо именовалось Лехой Котовым, а в отряде служило инспектором спецсвязи. По должности ему был положен оперативный псевдоним «Музыкант», но жизнь, как часто бывает, внесла в типовые рекомендации неизбежные коррективы. Высокого и тучного Котова бойцы сразу прозвали «Хатхи» – по имени известного киплингского персонажа. Ассоциация со слоном льстила инспектору. Леха даже не подозревал, что громкому прозвищу обязан отнюдь не богатырской комплекции, как он сам искренне

полагал, а двум огромным, малиновым от соответствующих злоупотреблений ушам, торчавшим по обе стороны непропорционально маленькой, наголо обритой головы.

Выйдя из персонального вагончика, инспектор привычным маршрутом, по деревянным мосткам двинулся в сторону сортира, продолжая при этом разговаривать по мобильнику.

– Врежь ему с оттяжкой по затылочку... А я тебе говорю, есть такой педагогический прием!.. Ничего страшного, от подзатыльников еще никто не умирал... А ты скажи: пусть радуется, что ты его lupишь, а не батя. Батя приедет... В какой суд?.. Че-го?! Я ему, засранцу, покажу суд!

Крак!.. Шарик, неудачно отскочив от Роминой ракетки, плюхнулся точно под ноги Лехе, и в следующее мгновение был безжалостно придавлен к доске берцем сорок шестого размера. Шансов выжить у него было не больше, чем у лягушки, угодившей под валик асфальтоукладчика.

Неприличное слово женского рода из пяти букв синхронно вырвалось из уст теннисистов и так же синхронно достигло гигантских локаторов Хатхи.

Котов замер, словно наступил на мину-лягушку, после осторожно опустил голову. Убедившись, что мины под берцем нет, лениво приподнял ногу. Бесформенный кусок целлулоида, прилипший к подошве, впредь нельзя было именовать шариком даже из вежливости. И старый детский способ – опускание в кипяток – ему не поможет.

– Последний... – констатировал Глеб. – Что ж ты наделал, убийца?

– Не хрен разбрасывать, где попало! – бесстрастно парировал истребитель спортивного инвентаря и тут же, спохватившись, вернулся к прерванному разговору с супругой. – Не, Люд, это я не тебе... Это про шарик... Ты что очумела – какие бабы?! Нет у нас никаких баб!

– Есть! – мстительно повысил голос Туманов. – Повариха и медсестра! Симпатишные!

Котов испуганно зажал мобильник ладонью, затем вовсе отключил связь.

– Сдурел?! Вы со своим долбаным пинг-понгом меня под развод подведете.

– Пинг-понг тут ни при чем, – заступился за любимый вид спорта Рома, – настоящее чувство должно быть выше мелких подозрений.

– Вот на своей жене и проверяй!

– Ты от темы-то не уходи, – перебил Глеб, возвращая разговор к истокам. – Сорвал, можно сказать, спортивное мероприятие, а на роже – ни грамма покаяния... Ты хоть понимаешь, что, лишившись культурного досуга, мы вынуждены будем компенсировать духовный вакуум алкогольным интерактивом. И успех контртеррористической операции окажется под угрозой срыва.

– Ни хрена с твоим контртеррористическим досугом не случится.

– Уже случилось! Давай, ремонтируй!

Инспектор снисходительно поморщился.

@Snoska = – Короче, Надень курточку и сходи к Бинскому¹... Ты памятник дедушке Ленину на центральной площади видел?.. Так вот: протянутой рукой Владимир Ильич указывает аккуратно на лавку под названием «Спортивный супермаркет». Не заплутаешь. Ассортимент там, врать не стану, скудноват, но ваши дурацкие шарики должны быть. Заодно и на рынок загляните – там же, на площади. Возьмете мне литрочку коньячку, для заполнения духовного вакуума. Только у Исмаила! Слева от входа сидит, в футболке с совдеповским серпом и в каракулевой папахе. Скажете, от Алексея Сергеевича – он гадости не нальет.

Котов находился в лагере уже пятый месяц и по праву считался непререкаемым авторитетом по части контактов с местным населением. Отдав неотложные распоряжения, он торопливо продолжил путь к месту общественного пользования.

¹ «Надень курточку и сходи к Бинскому» – цитата из фильма «Адьютант его превосходительства».

– Встреча прервана по техническим причинам, – развел руками лишившийся заслуженной победы Туманов, – о дате переигровки будет объявлено дополнительно.

– Да, уж... Повезло тебе.

– Мне? Пятнадцать – шесть в мою, а повезло – мне?!

– Это было тактическое отступление с целью выравнивания линии фронта и концентрации резервов, – пояснил Рома, – между прочим, наш травоядный друг дело говорит. Давай и вправду до магазина прошвырнемся, а? И на рынок. У меня паста зубная заканчивается.

– Мне тоже курева надо прикупить... Только в следующий раз с «пятнадцать – шесть начинаем»! То есть с «шесть – пятнадцать». Поддачи твои.

Для своего лагеря юрьевские полицейские облюбовали заброшенную автобазу в полукилометре от райцентра, куда вела некогда полностью, а ныне лишь местами асфальтированная дорога, соединявшая его с махачкалинской трассой. Халк и человек без звонкого прозвища в полном боевом облачении, как того требовали высочайшие указания (контртеррористическая операция – не вздохи на скамейке...), неспешно шагали по обочине в сторону поселка. Думал каждый о низменном, которое выражалось емким словом: «За-дол-ба-ло». До окончания командировки – или до дембеля, как говорили в отряде, – как на карачках до Юпитера, что серьезно огорчало. И дело совсем не в том, что находились они в «горячей точке», где рисковали своими жизнями во имя торжества одного маразма над другим. Маразм является естественной средой обитания отечественного полицейского, и к этому привыкаешь. Да и точка, по совести, была не слишком-то горячей. Рисковали они здесь не столько жизнью, сколько здоровьем, а если конкретизировать – печенью... Дело было в изначальной бестолковости процесса в целом и в той неповторимой неразберихе, коей в их замечательном министерстве неизбежно сопровождается любое мероприятие. Никто толком не понимал, для чего их вообще сюда привезли, и что конкретно он тут должен делать. Но ехали, ибо государеву человеку забивать себе голову подобными пустяками не положено. “Maul halten und weiter dienen!”, как сказал товарищ Бисмарк. А может и не Бисмарк, а кто-то другой... Неважно. Главное, что правильно сказал: закрой рот и служи.

Движение по дороге в этот ранний час было оживленным. Основной парк колесного имущества местного населения, не избалованного переизбытком дензнаков, составляли ветраны советского автопрома. Старенькие колымаги медленно объезжали многочисленные колдобины, поднимая в воздух клубы пыли и распространяя вокруг себя неповторимый аромат доморощенного бензина. Бензин этот производили здесь же, в селе – самодельные ректификационные колонны, в просторечии «самовары», стояли в каждом третьем дворе. И продавали его здесь же, вдоль дорог, в трехлитровых банках из-под соков. Цвет самопального горячего варьировался от нежного бирюзового до насыщенного коричневого. Разнообразие оттенков зависело от химического состава того загадочного вещества, с помощью которого местные Абрамовичи неустанно боролись за повышение октанового числа своей продукции. А паленка – она паленка и есть. «Дольче Габбаной» пахнуть не может.

Очередной тарантас, предупреждающие рывкнув клаксоном, объехал двух участников контртеррористической операции, издевательски окутав их густым облаком смеси пыли и выхлопных газов.

– Достали пипилаксы! – закашлялся Туманов, – где молоко за вредность?

Дождавшись, пока облако немного осядет, он стащил с головы бандану, и, тщательно отряхнув, повязал на лицо на манер гангстера из американского вестерна. Выглядело забавно, но давало хоть какую-то защиту. Роман, оценив изобретательность друга, тут же последовал его примеру.

Некоторое время новоявленные гангстеры шагали молча, но вскоре Глебу вновь захотелось пообщаться.

– Ром, ты это... Насчет собственной безопасности не передумал?

Фокин отрицательно мотнул головой.

– И когда переходишь?

– После командировки. Правда, с испытательным сроком. Сразу туда никого не берут.

– Все-таки зря. Там упыри одни... Меня как-то дергали, не помню уж по какой ерунде. Только работать мешают. Или ты за льготами?

– Да какие там льготы? – усмехнулся Роман, – работа, говорят, поспокойней. А упырей и у нас хватает.

– Ну, не знаю... – Туманов поправил сползший с плеча ремень автомата. – Я б не смог. Одно дело урок сажать, другое – своих... Сегодня водку с человеком пьешь, а завтра на нары волочешь. Поэзия, блин.

– Иной свой – сволочь похуже урки. У урки хоть ксивы нет. Дочка недавно спрашивает: «Папа, а почему меня в садике дразнят, что я ментовская дочка? Ментовская – это значит, плохая, да?» Что я ей должен отвечать?!

– Тоже – нашел аргумент... Дети всегда дразнятся.

– А если бы я врачом был? Или водителем автобуса? Дразнили бы?

– Ну, нет.

– Потому что у нас мент – ругательство, как бы мы не старались... И в ближайшем будущем никаких перемен не предвидится. Даже если нас переименуют еще во что-нибудь.

Туманов, никогда не замечавший за другом склонности к патетике, остановился.

– Да-а-а... Не хреново, однако, тебе твои новые друзья чердак проветрили! Заставки для министерского сайта сочинять можешь. В свободное от охоты на оборотней время...

Никто Роману Даниловичу чердак не проветривал. Выбор был самостоятельным, осознанным, и на то имелись причины. И когда приятель – Гриша Жуков, работавший в ОСБ, предложил перейти, пообещав замолвить словечко перед своим шефом Царевым, Рома особо не раздумывал. Написал рапорт. Начальник отдела согласился отпустить и даже дать положительную характеристику. Но с одним условием. Съездить напоследок в командировку в Дагестан. Иначе характеристика будет недостаточно положительная.

– А вот без дураков ответь, идейный ты мой, – не унимался Глеб, – если, допустим, на меня компромат будет – посадишь?

Рома обернулся и одарил соратника по борьбе с терроризмом обезоруживающей улыбкой.

– Без дураков не могу, Глеб Павлович, ибо ты точно – дурак... Пошли, чего встал? Брат Хатхи помирает – коньяку просит...

Спасителя Исмаила, торговавшего качественным алкоголем, сегодня слева от входа не было. И вообще не было. Видать, не успел набодяжить.

«Супермаркет» действительно не отличался богатством ассортимента, вывеска откровенно противоречила содержанию. Основную часть товаров спортивного профиля составляли почему-то ножи, причем китайского производства. Видимо, с учетом популярных в регионе видов спорта и покупательной способности населения. В углу прилавка сиротливо притулилось несколько рыболовных наборов, бейсбольная бита, пара теннисных мячей, шахматная доска и сувенирная коробочка с нардами. Там же пылилась неизвестно каким ветром сюда занесенная хоккейная шайба. Спортивный инвентарь дополняли пара велосипедов, прислоненных к стене, пяток мячей разного калибра на самодельной полке и несколько удилиц, засунутых за водопроводную трубу. Стену украшала желтая футболка махачкалинского «Анжи» с фамилией камерунца Это'о на спине и портрет Сулеймана Керимова, объявленного Белоруссией в международный розыск.

По причине того, что магазин не торговал спиртным и табаком, он не пользовался у населения авторитетом. В основном сюда заходили детишки да приезжие. Продавщица Диля встречала каждого, как дорогого гостя, однако ее трогательные попытки навязать европейский уровень сервиса в сельском магазине не в состоянии были изменить один из важнейших законов рыночной экономики – спрос рождает предложения. Бизнес устойчиво загибался.

Тем не менее девушка считала, что ей невероятно повезло, поскольку найти работу в их захолустье – большая удача. Хозяин магазина приходился двоюродным братом ее матери, и, когда предшественница Дили вышла замуж, предложил вакансию родственнице. Платил копейки, но в семье радовались и этому. А отсутствие ярких впечатлений на рабочем месте одинокой продавщице компенсировал спрятанный под прилавком переносной телевизор, ловил он всего один федеральный канал, но, слава богу – «Первый». И еще пару местных – дециметровых.

Сейчас один из местных транслировал старый голливудский боевик. Боевики Диле нравились жутко. Особенно американские. Затаив дыхание, она следила за тем, как симпатичный главный герой, повязав лицо шейным платком, гнался на лошади за железнодорожным составом, увозившим его любимую, похищенную врагами. Пули свистели над головой, но он мчался и мчался. И очарованной Диле в голову не приходил вопрос – а чем же он дышит? Ведь через минуту после такого положения на лице ковбоя платок можно отжимать от соплей, которые не пропускают воздух.

Но при этом любительница Голливуда не забывала о конспирации. Услышав, как хлопнула входная дверь, она привычным жестом убавила звук и оторвала взор от экрана...

А в следующую секунду, громко вскрикнув, вскочила и испуганно прижалась к двери подсобки, а рука потянулась к бейсбольной бите. Потому что ковбой с экрана каким-то образом оказался в магазине. Причем в двух экземплярах сразу.

Ковбои, слегка удивленные странной реакцией на свое появление, настороженно уставились на продавщицу, чьи переполненные ужасом черные глаза казались неправдоподобно большими на фоне смертельно бледного круглого личика.

Затем перевели непонимающие взгляды друг на друга.

И только тогда догадались стащить с физиономий промокшие банданы.

– Извини, красавица! – располагающе улыбнулся Глеб, – в отряде эпидемия холеры, доктор заставляет ходить в масках.

Из груди девушки вырвался вздох облегчения, а рука отпустила биту.

– Здравствуйте... Что желаете?

– Врачи утверждают, что лучшая профилактика инфекционных заболеваний – это занятия спортом. А посему ответь мне, та, чей лик подобен луне, а стан – Анжелине Джоли: у тебя шарики для пинг-понга есть?

Замысловатый комплимент зажег нежный румянец на щеках продавщицы.

– Сейчас посмотрю, – лунолика исчезла в подсобке, откуда спустя полминуты послышался ее расстроенный голосок, – отдельно шариков нет, только вот...

Выйдя в зал, Диля положила перед оперативниками покрытую слоем пыли красочную упаковку из прозрачного пластика. Внутри упаковки находились две теннисные ракетки-бутерброда и три оранжевых шарика.

– Китай, – виновато пояснила лунолика. – И тот единственный.

– И почему удовольствие? – поинтересовался хозяйственный Фокин.

– Сто пятьдесят.

– Итого по полтиннику за шарик... – Рома повернулся к приятелю. – Ну, что? Берем с нагрузкой?

– Валяй, – милостиво согласился Туманов, – можно будет два на два резаться. Надоело мне в одиночку маленьких обижать... Правда, у меня последняя сотня тысяч баксов осталась, и та в офшорах. Одна надежда на скорую получку.

Расплатившись, друзья исполнили Лиле куплет про черные глаза и откланялись.

Ковбой на экране попал в традиционную переделку. Злодей, прикрываясь его любимой женщиной, велел положить револьвер и убираться. Но меткий выстрел с бедра в лоб поставил счастливую точку.

В дверях джентльмены столкнулись с новым покупателем – средних лет бородачом в светлой футболке и джинсах. Козырек серой бейсболки отбрасывал на лицо загадочную тень. Синяя спортивная сумка на плече. Явно из местных. Скосив на людей в форме равнодушный взгляд, он уступил им дорогу.

Пройдя несколько шагов, оперативники одновременно, как по команде, остановились и обменялись взглядами, словно покупатели, забывшие в магазине купленный товар, сдачу и ключи от машины.

– Похож? – возбужденно шепнул Рома.

– Вроде... Если бороду убрать... Получше бы разглядеть. Без бейсболки. Может, на базу позвонить?

– Долго. Пока расчихаются, пока приедут... Сами проверим. Не велика проблема.

Расслабленное отношение приятеля к вопросам личной безопасности Рому не радовало. Здесь не город, они чужие. И не просто чужие. А те, которых местные не встречают хлебом-солью. И если они угадали, если это Гаджи Исмагилов, надо быть предельно внимательным. Обычных жуликов на доску «Лучший по профессии» не вешают. Да еще по инициативе ФСБ.

Глеб принялся шарить по карманам, словно отыскивая что-то.

– Интересно, там из подсобки на улицу выход есть?

– Есть. Я видел дверь, когда продавщица в подсобку выходила.

– Давай напрямик туда, а я через парадный вход вернусь.

– И?..

– Что «и»? Как сказал малютка Наполеон, сначала надо ввязаться в бой, а там видно будет... Но пути отхода лучше перекрыть.

Рома, кивнув, исчез за углом, на ходу снимая с плеча верный автомат, заскучавший без доброго дела.

Халк-Туманов еще раз демонстративно хлопнул по карману разгрузки и, деловито развернувшись, двинулся обратно в магазин.

Мужчина стоял спиной ко входу и вертел в руках нож, примеряя его к ладони, словно бывалый палач. Еще несколько ножей разного калибра лежали перед ним на прилавке. Туманов прикинул, что оптимальным вариантом было бы по-простому, без прелюдий, врезать ему прикладом по черепушке. Но без прелюдий нельзя. Вдруг человек окажется не бандитом, а добропорядочным дехканином. Моментальная статья о превышении, моментальные стенания либеральной общественности. Войны сейчас нет, на нее не спишешь. И нет даже захудалого режима контртеррористической операции. Сплошной мир.

– Эй, уважаемый! – негромко окликнул любителя холодного оружия Глеб, встав в дверном проеме и как бы невзначай направив на него дуло автомата, – документы покажем.

Тот не отреагировал. Казалось, не слышит. Или действительно не слышит. Инвалид по слуху, к примеру.

– Алло, дружище! – продублировал Туманов, сделав шаг вовнутрь и для убедительности передернув затвор, – я что, два раза повторять...

Да... Проклятый гуманизм... Надо было, все-таки, по черепушке инвалиду. Предупреждала же мама перед командировкой – с бандитами никаких переговоров.

Бородач с кошачьей ловкостью перемахнул через прилавок, и, оказавшись возле продавщицы, обхватил ее сзади за шею. Схватив другой рукой один из ножей, он приставил его к лицу любительницы боевиков.

– Не шевелись!

– Ай-ай-ай... – криво улыбнулся Глеб, не опуская автомата, – не джигит... Засранец. За юбку прячешься.

– Автомат положи, – осклабился бородач в ответ, глядя на опера, как президент на оппозицию, – за джигита как-нибудь потом побазарим.

Они не ошиблись. Это был Гаджи Исмагилов. Бороду отрастить можно, но горбатый нос не загримируешь, если, конечно, не участвуешь в шоу «Один на один».

А в телевизоре герой бесшумно поражал из револьвера врагов. Звук был предусмотрительно отключен Дилей. И враги мгновенно умирали. Где ж ты, далекий американский друг? Выстрели хоть раз в настоящего козла.

Продолжая удерживать нож у лица онемевшей от впечатлений Дили, «лучший по профессии» стал осторожно пятиться в сторону подсобки, не спуская при этом глаз с противника. Дили не пыталась вырваться, не кричала, понимая, что захватили ее не для того, чтобы сделать эротический массаж. И помня о Голливуде, ждала, когда меткий герой выпустит пулю в лоб захватчику. Мешать герою не следует.

Но герой не стрелял. Правда, и автомат на пол не клал. Без автомата-то совсем грустно. Он как мог, старался сохранять спокойствие, чтобы не спровоцировать джигита на резню, и прикидывал, успел ли Ромка перекрыть запасной выход. По времени вроде должен. А, с другой стороны, если даже и перекрыл, то черт знает как он себя поведет... Вдруг, сдрейфит? Нет, по жизни Ромка – мужик вроде нормальный, но одно дело в теннис играть и водку бухать, другое – заложников освобождать.

Между тем Исмагилов с пленницей скрылся в подсобке, не став повторять просьбу положить автомат. Глеб, не сводя прицела с двери, осторожно, словно по минному полю, сделал пару шагов вперед. Через несколько секунд из помещения донесся лязг отодвигаемого засова, а еще через мгновение – глухой удар, громкий стон и звук падения тела. Не исключено, что двух тел...

Туманов метнулся вперед, надеясь, что передовик не успел воспользоваться ножом.

Продавщица лежала на полу без движения, словно нокаутированный боксер. Ее обидчик скорчился на траве за порогом запасного выхода и выразительно стонал, обхватив курчавую башку руками. Между пальцами сочилась кровь. Бейсболка и сумка валялись рядом. Над ним с видом рыболова-новичка, с первого заброса вытащившего, сам того не ожидая, десятикилограммовую щуку, возвышался Ромка. Только вместо удочки он сжимал хоккейную клюшку. Видимо, понятие гуманизма было ему чуждо, и действовал он прямолинейно, не оглядываясь на правозащитников.

– В магазин его! Быстро! – крикнул Туманов, оглядываясь по сторонам и не опуская автомата.

Если Гаджи не один, то и из любой припаркованной машины его коллеги-бандиты могли открыть огонь.

Роман Данилович бросил клюшку, защелкнул наручники на запястьях Гаджи, после чего за шиворот оттащил его внутрь подсобки. Глеб, подняв сумку, прыгнул следом, лязгнув задвижкой и только после этого опустил автомат.

– Да ты тафгай... Где клюшку взял?

– Трус не играет в бейсбол, – Ромка перевернул задержанного вверх лицом, – на улице, возле двери, стояла. Ею тут пол мыли... Представляешь? Клюшкой – пол!

– А автомат тебе на что?

– Из него еще попасть надо. И бить неудобно. Не то, что клюшечкой по головушке из-за угла... Опять-таки, если обознались – извиниться можно.

– Соглашусь, – еще раз улыбнулся Глеб, склоняясь над Исмагиловым, – барышней займись, легенда номер семнадцать! Только аккуратно. Ей за две минуты столько счастья привалило, что Хичкок от зависти лопнет.

Луноликая продавщица по-прежнему пребывала в нокауте. Но никаких внешних повреждений Рома на ней не обнаружил. По крайней мере на голове и шее. Он осторожно похлопал ее по щекам. Ресницы девушки дрогнули, глазки открылись. Обморок. Пустяки. Переволновалась. Не Голливуд, чай. А так, обыкновенный терроризм.

– Давай, милая, вставай!

Он осторожно помог Диле подняться и, придерживая под локоть, подвел к стулу.

– Посиди тут, хорошо? Магазин мы сейчас закроем, а ты отдохни. Телевизор, вон, посмотри... Водички хочешь?

Продавщица чуть заметно кивнула и послушно уставилась в экран. Герой боевика опять скакал на лошади в поисках новых приключений. И опять дышал через сопливую бандану. Увидев его мужественные глаза, Диля согнулась в поясе, закашлялась и издала сдавленный звук, характерный для пассажиров, страдающих от морской болезни.

– Не стесняйся, – поддержал Рома, – меня тоже иногда от телика тошнит.

Туманов закончил обыск Исмагилова и его сумки, объяснил, что тот имеет право на авокадо, потом достал из кармана мобильник. Исмагилов не вырывался, видимо опасаясь, что его просто пристрелят.

– Хатхи, ты?.. Срочно стаю поддержки к спортсменам... Пока ничего, но, если ты будешь соображать с той же скоростью, что и всегда, то очень может случиться... Бандерлоги нас сожрут, вот что!.. Я серьезно говорю... Блин, Леха, кончай тупить! И шум пока не поднимай, Митричу не докладывай. Давай, ждем.

Помещение для задержанных, в просторечии «зиндан», оборудовали в одноэтажном кирпичном домике. Никто уже не помнил, что именно размещалось здесь в автобазовую эпоху. Зато единственное окошко домика украшала внушительная решетка, а массивная дощатая дверь имела прочную задвижку снаружи. Советские строители обладали даром предвидения. Новым хозяевам оставалось только вкопать в земляной пол высокий, под потолок, деревянный столб и расписать его под гжель для создания видимости домашнего уюта.

Зиндан основную часть времени пустовал, и практичный Хатхи предлагал начальству устроить здесь гостиницу и получать доход. Но сегодня, по случаю появления долгожданного посетителя, у дверей выставили почетный караул из одного бойца с автоматом, а вовнутрь внесли пару стульев. Стулья предназначались для оперативников, Гаджи с перевязанной головой сидел прямо на земле, прислонившись спиной к расписному столбу. Руки его по-прежнему были скованы наручниками за спиной, только теперь цепочка проходила вокруг росписи. К ране на затылке добавились кровоподтеки на скулах и легкая синева под глазом, навевая мысли о работе профессионального гримера. Но над новым образом задержанного трудился не гример. Инициативу проявили те, кто был по другую сторону барьера и мечтал приобщиться к задержанию опасного бандита, дабы попасть в приказ. В ФСБ, ловившую Исмагилова, опера пока не сообщали, помятуя о старом правиле разведки – сначала получи информацию сам, проверь, потом разреши получить другому. А информация нужна не столько для реализации, сколько для бумаг. Даже в командировке их никто не отменял. Тем более, что у задержанного в сумке оказалось полкило отборного героина, и в случае его откровенности, бумаг можно написать целый том. Да и вообще – доложишь «старшим братьям», так про тебя потом никто и не вспомнит. А слава, хоть и скромная, не помешает. Опять же – будет во что внуков бестолковых носом тыкнуть.

За что конкретно Гаджи разыскивали «комитетчики», они не знали, ориентировка доносила стандартную информацию – участие в бандформированиях. Но, судя по тому, что джигит взял в заложники продавщицу, сие участие не ограничивалось танцами лезгинки вокруг бандитского костра. Заложница, к слову, оказалась девушкой тонкой и чуткой, сразу заявила, что никаких претензий к джигиту не имеет, заяву писать не будет и вообще ничего не помнит по причине солнечного удара. Стокгольмский синдром, блин.

Для оживления беседы перед ее началом некоторые пособия по тактике допроса рекомендуют подогреть подозреваемого хорошим ударом по-михалковски. В челюсть с мыска. Благо, что бандит оказывал активное сопротивление, угрожал жизни и здоровью окружающих, и его задержание сопровождалось причинением определенного вреда здоровью сотрудникам правоохранительных органов.

Согласно пособию, Глеб Павлович уже занес было тяжелый берц, но великодушный Роман Данилович остановил его, напомнив, что с выбитыми зубами давать показания, даже правдивые, очень неудобно. Да и вообще, наше оружие – гуманизм.

Пустого словоблудия не устраивали и в остроумии не соревновались. Туманов сразу сделал короткое предложение по существу дела.

– Короче, если не хочешь попасть на суд инвалидом, толкуешь, в каком магазине купил героин, кому вез, и осталось ли где-нибудь еще.

Ответ не удивил, потому что был предсказуем, как предвыборная речь.

– На дороге нашел.

Вот тут удар сапогом пришелся бы очень кстати. Но Глеб Павлович уже понял, что Исмагилов из той породы господ, которые с каждой полученной зуботычиной уходят в себя еще глубже. И не хочется лишний раз отписываться во всяких надзирающих инстанциях и давать информационный повод западным некоммерческим организациям. Таких соперников надо брать их же оружием.

– На дороге, так на дороге, нам без разницы, – улыбнулся опер, словно портье гостиницы новым постояльцам, – мы протокол изъятия пока не составляли.

– И что? – хмуро уронил Гаджи.

– Думай, уважаемый... Куда тебе так много дури? – Туманов выдержал паузу и добавил, – одному?..

Гаджи, как любой грамотный бандит, красивым словам спецслужб не верил, особенно, когда те банковали. Скорее всего, менты над ним просто измываются. От скуки, видать. Перед пленным в блиндаже выделяться – не по «зеленке» с автоматом шастать... Но не исключено, что действительно хотят сделать свой маленький бизнес, о чем и намекают. Сейчас порядочных среди них нет. И если предположение верно, тогда появляется маленький шансик вернуться к привычному укладу жизни в горах.

Он поднял глаза на опера.

– Чего ты хочешь?

– Много ли надо простому русскому человеку? Домик в Испании, «Лэнд Крузер» и пенсию в десять тысяч долларов. Ежемесячно. Всего-то...

Исмагилов криво улыбнулся.

– Это не ко мне... Мне – что есть дурь, что нет... Больше большего не дадут.

– А что ты в спорттоварах забыл, кстати?

– Ножик хотел купить. В подарок.

– О'кей, как говорят в Америке, подарок, так подарок. – снова улыбнулся Глеб Павлович, – о том, что ты здесь, наши коллеги из ФСБ пока не в курсе... А введем ли мы их в курс, зависит только от тебя.

Фокин, пока не вступавший в разговор, конечно, понимал, куда клонит коллега. И как опер, наверно, должен был ему подыграть. Глеб не для себя старается, и никакой особой выгоды

не получит. И уж тем более бизнес с героином мутить не будет. Он просто выжмет из Гаджи все, что можно, обещая взамен свободу.

Не сказать, что подобный метод Роман Данилович осуждал. Но и не очень приветствовал. Да, будь у Исмагилова хоть малейший шанс выйти, можно устраивать торги. Но обещать то, что заведомо не сможешь выполнить, пускай даже последнему бандиту, пускай даже с благими намерениями, как-то неправильно. Можно спорить, можно прикрываться высокими целями, но... Неправильно.

Глеба же подобные переживания не беспокоили совершенно. Фокин уже достаточно его изучил – Туманов был из тех, кто легко закрывал глаза на порочность средств ради достижения цели. И если бы сейчас шла настоящая война, пленных бы наверняка не брал.

Бандит же ожесточенно кусал нижнюю губу, размышляя над намеком. Наверно, он тоже не верил ментам, но не хотел расставаться с надеждой на коммерческое чудо... – Героин не мой, хотите, забирайте.

– Уже забрали... Но этого маловато. Абонентская плата возросла.

Гаджи еще немного покусал губу, после спросил, глядя в глаза Туманову:

– Вы *хотите* взять Бараева?

Приятели переглянулись, но со стульев от радости не вскочили.

Иса Бараев значился в ориентировках как руководитель одного из самых опасных бандформирований, действующих на территории Чечни и Дагестана. Ему приписывалась организация серии взрывов в Махачкале и Кизляре летом прошлого года. Эти теракты проводились по практически идентичной схеме. Сначала срабатывало взрывное устройство, заложенное где-либо вблизи блокпостов, отделов полиции, административных зданий, автостанций и тому подобных объектов. Потом, когда к месту происшествия стягивались дополнительные силы полиции, срабатывало второе взрывное устройство, еще большей мощности... И недавний обстрел колонны внутренних войск, унесший жизнь шести пацанов, по оперативным данным, – тоже дело рук Бараева. Повязать такого орла – большая удача. Как режиссеру «Оскара» получить.

Но плясать пока рано. Гаджи, чтобы со статьи соскочить, и Доку Умарова сдать пообещает. Они почти все обещают.

– Допустим.

– Он сейчас в селе. Отпустите – дам адрес.

– А просто так не дашь? Чтобы не было мучительно больно?... Вас, таких договорщиков, каждый первый.

Пленник не отреагировал.

– Предложение, конечно, интересное... Только, если поменять местами слова «отпустите» и «дам». Усекаешь?

Пленник по-прежнему молчал.

– Вот то-то и оно... – Туманов разочарованно выдохнул, – такой хоккей нам не нужен. И не только хоккей.

– Откуда про Бараева знаешь? – спросил Рома, прикинув, что Гаджи, возможно, и не блефует.

– Какая разница?... Он в селе сегодня. За едой приехал. Завтра уйдет.

– Подозрительная осведомленность... А не боишься своего сдать?

– Он мне не свой... Короче: освободите – скажу адрес. Иначе – никаких базаров. Хоть стреляйте, – мрачно процедил Исмагилов и еще раз взглянул Туманову прямо в глаза. – Думай, уважаемый.

Дельный совет, между прочим. В соседнем отряде один деятель точно так же в обмен на свободу интересный адресок выложил. Ему поверили. А когда группа захвата в дом вломилась, так бабахнуло, что крышу на несколько десятков метров отнесло. Шутнику потом толо-

вую шашку между ног привязали – и к аллаху, на очную ставку, но ребят-то не вернешь... Пять цинковых гробов на родину отправилось, не считая раненых.

С другой стороны, Иса – фигура серьезная, в рейтинге зеленых братьев на одном из первых мест. И сдать его Гаджи действительно может без всяких угрызений – между тейпами иногда война идет покруче, чем в Сицилии между кланами. А Исмагилов с Бараевым, похоже, из разных тейпов. Но выпускать Исмагилова, поверив на слово, так же неразумно, как верить на слово нефтяному магнату, что он в два раза опустит цены на бензин.

Туманов решительно хлопнул себя ладонями по коленям и поднялся со стула.

– Добро! Будем считать первый раунд переговоров успешным. Но такие вопросы, сам понимаешь, надо с начальством согласовывать. Посиди пока...

Коллеги отошли подальше от самодельной тюрьмы и остановились в тени тополя. Туманов достал из пачки сигарету и крутанул колесико бензиновой «Зиппо» китайского производства. Пламя метнулось ввысь, едва не опалив ему брови. Слава богу – по территории отряда не гуляли постовые с дружинниками и не штрафовали за курение в общественном месте.

– Ну, что думаешь? – Глеб максимально глубоко затянулся, жестоко отравляя организм отходами горения и стронцием.

– Возможно, не врет.

– Да, я тоже думаю... Но он же понимает, что без доказательств никто его не отпустит. А доказательство может быть только одно – сам Бараев. Так что врать в этой ситуации – себе дороже.

– Ну, допустим... – кивнул Фокин, – только ведь никто Исмагилова не выпустит.

– Ерунда, договоримся. Не конченные же идиоты в руководстве... Вариант серьезный. Бараева поймать – не корову найти. Когда еще такой случай представится?

– А героин?

– Не смехи, – поморщился Туманов, – кто его видел, тот героин, кроме нас с тобой? А понятыми контрактники из взвода охраны были. Им тем более наплевать и забыть.

– Ладно. Пошли, доложим Митричу.

– И что ты собираешься ему докладывать?

– Про Исмагилова, про Бараева...

– Ага... Чтоб сюда через час прилетели старшие братья, забрали Исмагилова к себе, а потом устроили в селе показательную зачистку с пленением невинных и расстрелом непричастных?.. Нет уж! Обойдемся без их чуткого руководства. Упустят Ису, а потом на нас же всех собак и повесят. За некачественную информацию. Первый раз, что ли?

Фокин собрался возразить, но приятель оборвал его на полуслове:

– погоди, не пыли! Сейчас докурю, и пойдем клиента дожимать. Пусть сперва даст адресок Бараева, а потом уже и Митричу доложим.

Возвращению оперов пленник не обрадовался – лезгинку не сплясал, даже головы не повернул. По-прежнему сидел у расписного столба с тем же отстраненным выражением на бородатом лице.

– Начальство дало добро, – не покраснев, соврал Глеб Павлович, – но сам понимаешь, – нужны гарантии. Поэтому ты выйдешь только тогда, когда на твоём месте будет сидеть или лежать Бараев. И, само собой, без глупых розыгрышей. Ежели что – мы тебя сами разыграем по полной... Итак?

– Мне тоже нужны гарантии, – довольно твердо потребовал Исмагилов.

– Письменные или устные? Какие тут вообще могут быть гарантии, кроме взаимного доверия? А? Ну, хочешь, дам слово.

– Дайте позвонить брату. Это не сложно. Он в селе живет.

– Хорошо, – подумав, ответил Туманов, – у тебя будет тридцать секунд, как в одной телевикторине. Звонок, само собой, в нашем присутствии. И по-русски.

Он достал мобильник.

– Номер?

Гаджи продиктовал. Глеб набрал и поднес трубку к уху Исмагилова. Он не боялся, что потом враги установят его номер. Симка куплена здесь – так дешевле. И куплена не на свой паспорт.

– Ахмед... Это Гаджи. Я в милиции, на автобазе. Я оказал им услугу, меня обещали завтра выпустить. Встреть... Они дали слово. Если не выпустят, будет обида. Нет, не надо... Просто встретить. Маму успокой.

– Время! – Туманов отключил связь и убрал трубку, – адрес?

* * *

Командир отряда подполковник Евгений Дмитриевич Миронов имел официальный оперативный псевдоним «Гром», но бойцы уважительно звали шефа просто «Шкафыч». Прозвище не было оскорбительным, им, как и в большинстве подобных случаев, Миронова наградили после забавных событий, а не от сходства с предметом мебели. События те случились в конце девяностых и вызывали у всех слушателей добрую улыбку.

В то лихое бандитское время возглавлял Евгений Дмитриевич Юрьевский отдел по борьбе с организованной преступностью. Рубил врагов-бандитов шашкой без усталости и передыху. И однажды нагрянул к нему в отдел проверяющий из Москвы, из самого министерства. Обычная плановая проверка, без установок «накопать и слить». Так – оперативные разработки, агентура. Проверяющий оказался нормальным мужиком, к запятым не цеплялся и справку по итогам написал положительную. И решил Миронов сделать ему приятное. С прицелом на будущее, да и вообще – из благодарности. Но в бане водкой поить и девок подсовывать – это пошло и аморально. Думал, думал и придумал.

Открылся в то славное время в Юрьевске цех по производству мелкой бытовой техники на бывшем станкостроительном заводе, благо в стране объявили экономическую реформу. Руководство завода, не располагавшее инвестиционными средствами, пошло по проторенному китайскими коммунистами пути. Закупали по дешевке устаревшие кухонные комбайны у одной немецкой фирмы, заменяли пару мелких узлов, вешали новый лейбл и выкидывали на Юрьевский рынок. И надо сказать, товар пользовался спросом и даже шел на экспорт. «Научились, наконец, и наши делать!» – поговаривали в народе. Увы, кроме знаменитых юрьевских семечек и упомянутых комбайнов, никаких других собственных брендов у города не имелось. Семечки, даже элитные, дарить представителю центра несолидно, поэтому Евгений Дмитриевич остановил свой выбор на комбайне. И вещь в хозяйстве нужная, и с местным колоритом. Из оперативных денег выделил необходимую сумму и купил агрегат. Размещался последний в двух больших коробках. В одной сам комбайн, во второй – насадки.

Проверяющий остался доволен, поесть он любил, а без комбайна – что за еда? Опять же – жене приятное сделать. Мол, и в отъезде, о тебе, любимая, думаю непрестанно. Накануне вылета они с Мироновым хорошо посидели в рабочем кабинете, поднимая тосты за родную милицию и женщин. Вследствие чего ревизор немного расслабился, потерял контроль и забыл коробку с насадками и инструкцией по эксплуатации. Вспомнил о ней лишь в Москве, в рабочем кабинете, когда рассматривал презент.

Тут же позвонил по министерскому телефону в Юрьевск, объяснил ситуацию.

– Ничего страшного, Пал Борисыч, – успокоил Миронов, – у меня зам через неделю летит в Москву на учебу, он захватит. Конечно – комбайн без насадок все равно что бригадир без бойцов.

Но случилась на следующий день у Евгения Дмитриевича жестокая ангина от холодной водки. Слег он с температурой дома, однако про долг не забывал. Позвонил заместителю и нашептал – так и так, ни в службу, а в дружбу, возьми у секретаря ключ от кабинета, зайди и забери картонную коробку возле стола. Захвати с собой в Москву и передай Павлу Борисовичу из министерства.

Зам не возражал – задача не сложная. Утром в день вылета взял ключ, зашел в кабинет, увидел возле стола коробку и озадачился. Размер коробки был примерно метр на метр, и весила она под пятьдесят кило. Однако...

Все объяснялось просто. Дело в том, что накануне привезли рабочие в кабинет Евгения Дмитриевича новую мебель. И собрали все, кроме маленького шкафчика, решив доделать работу завтра. Именно шкафчик и находился в картонной коробке. Зам понятия не имел, что там. Ему велели просто забрать ее и захватить в Москву. Но пятьдесят кило – это не мелочь, в ручную кладь не возьмешь.

Секретарша как назло выскочила в магазин, домашний телефон Миронова не отвечал – тот выключил его, чтобы не доставали и не беспокоили больное горло. Мобильная связь в те реформаторские времена имелась только у братвы, а самолет ждать не будет. Махнул зам рукой, позвал водителя, перегрузили они коробку в «Козлика» и помчались в областной центр, в аэропорт. Приказы, как говорится, не обсуждаются.

При регистрации, понятное дело, возникла заминка. Во-первых, вес багажа превышал халаянные двадцать кило, во-вторых, его надо сдавать в специальный грузовой терминал. И все, разумеется, за деньги. Пришлось заместителю раскошелиться, оставив в аэропорту четверть командировочных.

Но и в Шереметьево на ленте выдачи багажа коробочки не оказалось. Ибо ее тоже необходимо получить в специальном терминале и тащить до стоянки такси самому – у грузчиков разрешенная санитарными нормами нагрузка – тридцать два кило.

С задорными матюгами зам затолкал коробочку на тележку, вывез на стоянку такси и вскинул руку. Но не тут то... Никто из нелегальных и легальных перевозчиков везти посылку не взялся – она не помещалась в салон. Пришлось заказывать грузовой таксомотор и грузчиков. Еще четверть командировочных исчезло из кошелька. Ни хрена себе – «Ни в службу, а в дружбу».

Доехали до министерства, зам позвонил с проходной Павлу Борисовичу, но того на месте не оказалось – выехал на происшествие. Гость сообщил сотруднику, снявшему трубку, что привез для Павла Борисовича коробочку из Юрьевска. Сотрудник спустился, выписал пропуск, вдвоем они отволокли гостинец в кабинет. После чего, вздохнув, наконец, свободно, добросовестный зам отбыл на курсы повышения квалификации, обещая себе никогда больше не выполнять просьбы «втемную».

Пал Борисович, вернувшись и обнаружив в кабинете здоровенную коробку, присланную из Юрьевска, призадумался. Насадки для комбайна, по его разумению, не должны столько весить и занимать такой объем. На всякий случай позвонил Миронову, уже включившему телефон. Тот подтвердил – коробку отправил. Правда, без инструкции по сборке. Но ничего страшного, у него есть точно такой же комбайн, и он может объяснить по телефону – что куда насаживать, если вдруг возникнут проблемы.

Проблемы, естественно, возникли. Скрестить кухонный комбайн со шкафом не сумели бы даже Кулибин и Леонардо да Винчи. Да и немецкие инженеры вряд ли бы смогли. Чего уж говорить о сотруднике органов внутренних дел. Последний попытался, конечно, но быстро понял, что ему слабо. Снова связался с Мироновым по межгороду. Выручай, брат.

Брат выручил. Достал инструкцию. «Присоединяем деталь 1-а к детали 1-б». Ага. Створку шкафа к редуктору.

И ведь вроде бы стало получаться! По крайней мере в первые пятнадцать минут. Но потом поняли, что все-таки что-то не стыкуется. Миронов взял паузу, позвонил секретарше, попросил посмотреть, стоит ли коробка с насадками в кабинете.

– Нет, – сразу ответила та, – я ее утром к себе убрала. На всякий случай. Чтобы не пропала. А вот коробки со шкафом не вижу, хотя утром точно была.

Евгений Дмитриевич все понял без уточняющих вопросов. Выругался и снова позвонил в Москву.

– Накладочка вышла, Пал Борисович. Но не переживайте. Я позвоню заму, он на обратном пути шкафчик захватит, а насадки мы с первой okazji переправим.

Самым счастливым в этой истории оказался заместитель...

После этой истории, увидев Миронова, коллеги шептались: «Вам славянский шкаф не нужен?». А к самому Евгению Дмитриевичу намертво прицепилось прозвище «Шкаф», трансформировавшееся позже в более нежное «Шкафыч». Потому что был начальник ОБОП мужиком не злым, справедливым и ни на кого не повышал голос.

А еще уважали его за то, что имел за плечами опыт первой чеченской кампании, а потому философски относился к царящему вокруг бардаку и не стремился, подобно некоторым другим, выиграть войну силами одного лишь возглавляемого им подразделения. Да и что значит в этой войне «выиграть»? Или «проиграть»? Те, кто весной девяносто пятого в Грозном стреляли в спину Миронову и его бойцам, сегодня разъезжают на представительских машинах и под объективами телекамер ручкаются с первыми лицами государства. Выиграли, выходит? А кто ж тогда проиграл? Он, подполковник Миронов сотоварищи?.. И кто после этого может дать гарантию, что герои дней сегодняшних, чьи портреты постоянно печатают в ориентировках, завтра не окажутся союзниками федеральных властей? А тебе, вместо ранее отданной команды «Фас!», высочайше предпишут денно и ночно охранять их сон и покой. Диалектика, однако...

И все же до тех пор, пока бандит не избран президентом автономии или депутатом Государственной Думы, он официально считается бандитом. А потому, как говорили древние римляне, делай, что должен, и будь что будет.

По-наполеоновски склонившись над картой, разложенной на столе в штабной палатке, командир отряда уточнял со старшими групп детали предстоящей операции.

– Значит, так, мужички, главное – быстрота и видение поля. У них тут информация поставлена не в пример нам. Стоит БэТээРу из ворот выехать – через пять минут все село об этом знает... Поэтому завтра ровно в шесть ноль-ноль все должны сидеть на броне и ждать команду. Отлучаться запрещаю категорически! И чтоб бронезилеты и шлемы все до единого надели! Не на танцы идем. Найду хоть одного гусара – весь отряд до конца командировки в брониках ходить будет. Даже в баню... По команде на максимальной скорости идем в село и сразу встаем на позиции. Сразу! Водителям маршрут знать назубок... Виталья, ты со своими бойцами блокируешь возможный отход... Да ты сюда смотри, а не «косынку» раскладывай!

Отрядный балагур Виталий Шевченко, командир взвода юрьевского ОМОНа, убрал мобильник и послушно скосил глаза на карту.

– Броню ставишь здесь... – Миронов ткнул карандашом в нужный участок. – Задача – перекрыть отход к реке. Рассредоточиваетесь и действуете по обстановке. Понятно?

– Так точно...

Шевченко действительно все понял с первого раза. За прошедшие четыре месяца он со своим взводом успел облазить село вдоль и поперек, а потому и без карты давно сообразил, о каком именно доме идет речь. У него в голове своя карта. В формате 3D.

– Я с группой Борщова беру под контроль вход со стороны улицы. БэТээР ставим мордой к воротам. Улицу перекрываем: здесь... и... здесь! Потом начинаем. Сначала предложим сдать добровольно, а там, если откажутся... Посмотрим, короче. – Миронов бросил каран-

даш на стол. – Запомните: в доме могут быть женщины и дети. Упаси господь, хоть один волос упадет! И еще запомните: Бараева, конечно, лучше взять живым. Но уйти он не должен ни при каких обстоятельствах... Вопросы?

– Если он там, конечно, есть, – подал голос Рома.

Шкафыч посмотрел на него, словно врач на симулянта.

– Надо верить в лучшее.

– А нам что делать? – уточнил симулянт.

– Ждать на базе. У вас, у сыскарей, свои задачи, а у нас – свои. Возьмем Бараева – будет и вам, чем заняться.

– Тема-то наша, – напомнил бдительный Туманов, – опять-таки, соскучились руки по настоящему беспределу.

– Я те дам беспредел. Действуем в условиях, максимально приближенных к мирным... Ладно, – командир опустил глаза на карту – сядете... Вот здесь, внизу, на склоне оврага. Берете под контроль гору и серпантин. Он отсюда хорошо просматривается. Не исключено, подмога подойдет. Бинокли не забудьте. Но в дом без команды не соваться! Еще вопросы?

– А может, пораньше выступим? Футбол завтра. Наши с Португалией. Боюсь, не успеем...

* * *

Иса не верил в приметы, не слушал внутренний голос и не полагался на чутье. Вся эта мистика – прямой путь к Аллаху. Он всегда полагался на реальную информацию, наблюдения и анализ ситуации, поэтому до сих пор жив. А сегодняшний анализ указывал, что надо срочно валить. Вчера он засветился в селе. Случайно, буквально на несколько секунд, но его узнали. А стало быть, слухок может долететь и до федералов. И не исключено, те захотят наведаться сюда. Проверить паспортный режим у хозяев.

Он чуть отодвинул тяжелую коричневую штору и выглянул на улицу. Вроде все спокойно. Даже слишком спокойно. Словно комендантский час объявили... Не к добру.

– Может, в вещмешки переложить? – Рамзан, муж двоюродной сестры, поднял коробку с говяжьей тушенкой, – удобнее будет.

– Не надо... Патруль остановит – как объяснишь? А так скажешь, что на рынок везешь.

Рамзан послушно исчез в гараже вместе с коробкой.

Бараев поглядел на часы. Без десяти семь. Время Ч – через сорок минут. В это время движения на дорогах много, и их машина легко растворится в общем потоке. Рамзан вывезет его из села и высадит в условленном месте. Там Ису встретят, и дальше группа двинется пешком. До вечера им предстоит пройти через перевал, а к ночи они должны быть уже во Введено. Продукты Рамзан отвезет в другое условленное место, в двадцати километрах отсюда. Его будут ждать люди Бараева, которые заберут машину и сами доставят продукты к схрону. Шурин вернется домой на попутках.

Еще сорок минут... Целая вечность.

Он снова выглянул на улицу. Затем окинул взором склон горы, возвышавшейся за оврагом с неглубокой речушкой.

Ох, тихо... Слишком тихо. Словно перед грозой.

Оторвавшись от прицела снайперской винтовки, боец в маскировочном комбинезоне осторожно отполз чуть назад, в кусты, и прильнул к рации.

– «Гром» – «Филину»!

– «Гром» на связи.

– Наблюдаю движуху во дворе. Как поняли?

– Объект там?

- Вроде...
- Что значит «вроде»?!
- Блин, Митрич, у меня же обычная оптика, а не «Хаббл»! А клиент – не Месси, у него на спине фамилии нет.
- Выглядит как?
- Среднего роста, плотного телосложения, с бородой. А рожу отсюда толком не разглядеть. С ним еще один. Коробки какие-то из дома в гараж переносят. Похоже, провиант подтягивают для лесных братьев.
- Ясно. Продолжай наблюдение...

Все произошло быстро. Очень быстро. Обычно они опаздывают, а здесь не опоздали.

Иса метнулся к противоположному окну, выходящему во двор. Со стороны зеленки на грунтовку медленно выползал второй бронетранспортер. Сидевшие на нем бойцы на ходу спрыгивали на землю и занимали позиции вокруг дома.

Да, волновался не зря... Вчерашняя засветка все-таки аукнулась. У федералов было время подготовиться. Впрочем, на данный момент это неважно. Сейчас главное – уйти. С тем, кто его выдал, можно посчитаться позже. Он никуда не денется.

– Внимание! – донесся с главной улицы усиленный мегафоном голос, – дом окружен. Во избежание ненужных жертв предлагаю всем выйти во двор с поднятыми руками. В случае сопротивления или попытки к бегству открываем огонь на поражение. Повторяю! Дом окружен... Именем Тарабарского короля...

Вытащив из-под матраца автомат с укороченным стволом, Иса быстро спустился по лестнице со второго этажа в зал. Туда же вбежали со двора растерянные Рамзан и сестренка Султанат.

- Иса, что делать?!
- Спокойно... Вас не тронут. А я разберусь.

– Повторяю! – чуть строже просипел в мегафон Миронов, – всем находящимся в доме выйти во двор с поднятыми руками. В случае сопротивления открываем огонь на поражение. На-по-ра-же-ни-е!

Никто ниоткуда не вышел. Ни с поднятыми руками, ни с опущенными. Впрочем, особо на это и не рассчитывали. Какой смысл собственными ногами идти на пожизненное?

- Глянь, чего там? – велел командир Витьке Борщову, второму взводному.

Тот приподнялся, намереваясь осмотреть двор. Тут же раздался звон разбитого стекла, и из окна второго этажа коротко рывкнула автоматная очередь. Пули звонко забарабанили по броне.

Борщов моментально юркнул под колесо БэТээРа, а по дому в ответ с разных сторон дружно застрочило сразу с десятков «калашей». Воевать мужики любили и никогда не упускали повода дать рукам почувствовать сладостную дрожь плюющей огнем стали. Будет о чем вспоминать в семейном кругу возле камина долгими зимними вечерами.

– Прекратить огонь, растудыт вашу каракатицу! – заорал Миронов, – я кому сказал?! Группа дебилов, а не банда миротворцев... Мирное же время!

- Бойцы нехотя подчинились. Шкафыч снова взялся за мегафон.

– Даю три минуты на раздумье! Потом начинаем штурм. Все жертвы будут на вашей совести. Время пошло!

И снова никаких конструктивных действий с бандитской стороны. Секунды тянулись долго, словно рекламная пауза во время захватывающего фильма. С десятков пар глаз напряженно всматривались в торчавшую из-за высокого кирпичного забора крышу, покрытую ядо-

вито-зеленой металлочерепицей. Так всматривались русские воины на Чудском озере в приближающуюся немецкую «свинью» в старинном боевике «Александр Невский».

– Не стреляйте! – раздался вдруг со стороны дома женский крик с нотками истерики, – он его убьет!!! Не стреляйте!!!

– Началось... – страдальчески поморщился руководитель операции, – надо было без мегафона. Хрен с ними, с правами человека...

Со двора донесся звук шагов, затем отворилась калитка, и на улицу выскочила перепуганная женщина в домашнем халате и калошах на босу ногу.

– Не стреляйте!!!

– Куда, едрит твою?! – Борщов, выскочив из-за бронетранспортера, бросился навстречу и, схватив ее за руку, затащил под защиту борта.

Беглянка обессилено опустилась на землю и всхлипнула.

– Он его убьет...

– Тихо, без соплей! – властно повысил голос Миронов, присаживаясь перед ней на корточки. – Кто убьет? Иса?

Та, снова всхлипнув, кивнула.

– Там Рамзан... Муж... Иса связал его, убить грозит. Не стреляйте!

– Черт... А ты-то как ушла?

– Иса – мой брат. Двоюродный. Меня не тронет.

Евгений Дмитриевич вытащил из автомата шомпол, сапогом разровнял песок.

– Вот твой дом... – он начертил на земле прямоугольник, – вот... входная дверь. Как комнаты расположены?... И где Иса?

– Иса там... – Султанат махнула рукой в направлении калитки, – это он в вас стрелял.

– Понятно, что не собачка... Ты тут, на плане, покажи!

Дама опять не поняла, что от нее хотят.

– Рамзан тоже в доме... Иса его связал и...

– Не фиг пускать было. Кто еще внутри, кроме мужа и Кады..., тьфу – Бараева? – перебил Миронов, помянув про себя добрым словом систему школьного образования в национальных автономиях.

– Никого.

– Точно никого?

– Точно.

– Ну, свободная женщина востока, смотри, если что... Сиди здесь!

Любители настольного тенниса, заварившие сегодняшнюю кашу, устроились на пологом склоне оврага в тени кустов терновника. Погода огорчала – ни тебе ливня с градом, ни ураганного ветра, ни камнепада. Так – скучное солнечное утро. Хоть на рыбалку иди, а не бандитов лови.

Опустив бинокль, Туманов откинулся на спину, подложив под голову руки. Со стороны села мелодично завывала собака.

– Воет... Добрая примета, – подметил Ромка.

– А что ж ей, рэп читать?... Я бы никаких переговоров не вел. Это все равно, что позвонить наркодилеру и предупредить – завтра мы придем с обыском, сиди дома, жди и ничего не выбрасывай... То ли дело – раньше. Штык на ружье и в атаку, безо всякой ненужной болтовни с врагом... Был такой полковник Карягин. Пал Михайлович. В начале девятнадцатого века. Как раз в здешних краях воевал. Пока русская армия бодалась в Европе с Наполеоном, персы решили оттяпать кусок нашей территории и отомстить за прошлые обиды. Ну или наши сами спровоцировали, как всегда. Не суть. Двинули персы сорокатысячную бригаду во главе с наследным принцем. А нам и послать на защиту рубежей некого. Известная песня – генералы

намухлюют, а расхлебывать простому солдату. Кинули клич. Набралось пятьсот егерей и две пушки. Но зато командовал нормальный мужик. Умел настроить бойцов на нужную волну. Ты себе можешь представить? Пятьсот против сорока тысяч?

– Что, правда?

– В отличие от трехсот спартанцев – все честно. Четыреста девяносто три человека. Со спартанцами еще вопрос – не легенда ли? А тут – реально, документы есть. Короче, бились эти чокнутые мужички тринадцать дней и ночей, расхерачили персов и по ходу дела взяли пару их крепостей. Причем первую чисто на понтах. Разбили пушечным выстрелом ворота, зашли внутрь и просто спросили: «Вы верите, что нам нечего терять?» Персы поверили и крепость оставили без боя. Потом полегли егеря почти все, конечно. Но Карягин выжил. Получил из рук царя золотое оружие... Вот это ребята! Куда там французам или амерекосам с их «железными людьми» и «суперменами»... Обидно.

– Что обидно?

– Что не знает про это никто сейчас. А подвиг-то сродни Бородинской битве. Про каждого бойца книгу написать можно... Не умеем мы поднимать престиж... А уж про сегодняшнее мероприятие и вообще через три дня забудут.

– Скорей всего, – подтвердил Ромка, сунув в рот травинку.

Вообще-то, в отличие от приятеля, он чувствовал себя не очень спокойно. И даже пожалел, что согласился на командировку. Одно дело – город, оперативная работа, другое – прямые боевые действия. Он ведь не военный, даже окопаться толком не умеет, не говоря уже про всякие специальные навыки. А тут – бросили – выплывай. Еще бы мандраж не бил. И, видимо, Туманов, заметив это, рассказал о Карягине, чтобы поднять товарищу боевой дух.

– А ты... Стрелял в людей? – спросил Рома.

– Увы, не довелось. Только вверх. Но еще не вечер. Надеюсь пару раз нажать на гашетку. Возможно, Глеб бравировал, но произнес он это абсолютно спокойно.

Со стороны села, словно поддерживая кровожадные надежды Туманова, раздалась беспорядочная стрельба.

– Похоже, не договорились. Не нравится мне такое начало, – он перевернулся на живот и подтянул автомат.

Оба замерли в ожидании. Стрельба быстро прекратилась. Ветер донес до них лишь отрывочные и неразборчивые фразы, раздававшиеся, судя по всему, из мегафона.

Туманов приподнялся с травы.

– Ты как хочешь, а я терпеть не могу, когда самое интересное в жизни проходит мимо. Чувствуешь себя неполноценным. Будто в электричке, где у всех корзины доверху набиты белыми, а в твоей – лишь несколько жухлых сыроежек на донышке...

Бронетранспортер, взревев многолошадным двигателем, легко, словно это был лист картона, высадил металлические ворота и вкатился во двор. Бойцы, прикрываясь броней и прицельно паля из автоматов по окнам, мгновенно рассыпались, прижавшись к стенам дома. Крупнокалиберный пулемет короткой очередью высадил входную дверь, после чего в проем и в окна одна за другой влетело несколько светозумовых гранат – крайне полезного изобретения человечества. Грохот сопровождали слившиеся в одну ослепительные вспышки – казалось, в зале взорвалась миниатюрная нейтронная бомба – и следом в дом ворвались бойцы без криков «Ура!». Яркий свет сменился не менее яркой лексикой, неизбежным атрибутом любых спецопераций.

Едва дым и мат рассеялись, взору милиционеров предстал лишь перепуганный мужчина, лежавший на полу под окном со связанными за спиной руками.

– Рамзан? – ткнул его носком берца Борцов, вместо того чтобы справиться о самочувствии и избавиться от пут.

- Да... Я не впускал его... Он сам...
- Рассказывай легенды... Коробки он тоже один таскал... Где Бараев?
- Я... Не знаю. Ушел...
- Куда, на хрен, ушел? – взводный сунул дуло автомата под нос связанному, – это ты сейчас уйдешь насовсем. Где Бараев, спрашиваю?!
- Не знаю... – Рамзан испуганно откинул голову назад, продемонстрировав острый кадык – он меня ударил, я не видел...
- Витяня, здесь, под половиком, люк в подвал! – раздался голос из коридора. – Я посмотрю?..

Иса ползком продвигался по трубе. Ливневый водосток добрые люди соорудили почти полвека тому назад, еще при советской власти. За двадцать лет, прошедшие с момента ее кончины, бедняга постарел, осунулся, и о его существовании позабыли, как о позорном наследии социализма. Но не все. Основной ствол коллектора тянулся вдоль главной улицы, а боковое ответвление, выходящее в овраг, находилось как раз за домом Султанат. Год назад Бараев со своими людьми обследовал сток и проделал из подвала до него хорошо замаскированный лаз. А дальше уходи по коллектору хоть налево, в другой конец села, хоть направо – в пролежавший за домами овраг.

Иса выбрал ближний путь. Ползти через главный ствол в дальние ответвления – значит, потерять много времени. Федералы очень скоро ворвутся в дом и, не обнаружив его, перевернут все вверх дном. Наверняка найдут и лаз, а дальше у них схема отработана. Газ пустят – сам выскочишь. Если успеешь... Так что из коллектора надо выбираться как можно быстрее. До оврага же ползти минут десять. И вряд ли его там ждут – выход из трубы хорошо замаскирован. Дом оцеплен плотным кольцом, а он окажется за пределами этого кольца, в низине.

И десять минут у него есть.

Рамзан все правильно сделал. Закрепляя растяжку на крышке люка, ведущего в подвал, Иса слышал, как шурин взбежал по лестнице наверх, в спальню, дал по бронетранспортеру очередь и кубарем скатился обратно. Эти глупцы сразу начали палить в ответ по окнам. Отлично! Минуты две минимум он на этом выиграет.

Потом настанет очередь сестры. Султанат хоть и женщина, но умом ее аллах не обделил. Тоже все правильно сделает. Свяжет мужа и с криками выбежит на улицу. Пока с ней поговорят, пока разберутся. Это еще минуты три, не меньше.

После этого они войдут в дом, развяжут Рамзана, допросят, обнаружат вход в подвал, где их ждет сюрприз...

Словом, если сестра с мужем разыграют все, как оговорено, у него будет достаточно времени. Правда, с собой нельзя брать оружие, поскольку придется идти через село. Причем прямо сейчас, среди бела дня, вернее утра. И у него не должно быть ничего, что бросится в глаза посторонним, а уж тем более – федералам. Единственную гранату, которую прихватил с собой на всякий случай, он выбросит в кусты, когда выберется из оцепления.

В ограниченном пространстве коридора взрыв может оказать на неокрепшую психику серьезное влияние. И оказал. Шандархнуло так, что оконное стекло в конце коридора улетело в кругосветное путешествие, а крышка люка, прикрывавшего вход в подвал, сорвалась с петель и чуть не пробила потолок.

Борцов обернулся к стоявшему у него за спиной бойцу, чья неокрепшая психика подверглась взрывному испытанию.

- Понял теперь, что бывает с первооткрывателями?
- Так точно.

– Вот и хорошо. А то – «Люк под половиком... Я посмотрю...» Смотрел бы сейчас с высоты птичьего полета... Словом, сегодня у тебя второй день рождения, так что вечером задуваем свечки на тортике.

– Я хоть сейчас...

В коридор с улицы вбежал Миронов и пара бойцов.

– Что случилось?!

– Все в порядке, Митрич, – успокоил Борцов, словно речь шла о коротком замыкании, а не взрыве, – растяжку, гад, на люке поставил. Но я его веревкой из-за угла, как положено.

– Предупреждать надо... Подвал осмотрели?

– Когда? Только собираемся.

Короткая автоматная очередь, раздавшаяся откуда-то снаружи, не дала ему договорить.

– Виталий, что у вас там? – выпалил в рацию Миронов.

– Это не у нас! – возразил динамик голосом Шевченко, – это в овраге, где сыскари сидят...

Командир чертыхнулся.

– Давай быстро туда!

Рев мотора и последовавшие за ним взрывы и стрельба – верный признак начала штурма, к попу не ходи. И умные люди, догадавшись об этом, немедленно убегают в безопасное место. Кроме тех, конечно, кто выполняет свои профессиональные обязанности, хотя им убежать тоже хочется, чего уж лукавить.

Глеб поднялся в полный рост.

– Пойду-ка я тоже кого-нибудь убью. А то здесь скучновато.

– А если с горы попрут? – Роман остался на траве.

– Да кто с этой горы придет? Только козы. Пошли... Не дрейфь.

– Обойдутся там без нас.

Но Туманов уже не слушал, быстро карабкаясь вверх по склону.

Рома, полежав еще немного, выплюнул травинку, приподнялся на колени и замер. Куст, возле которого они прятались, мелко затрясся и стал заваливаться вниз. А из образовавшейся дыры на свет божий вылез...

Фокин в первую секунду был готов поверить, что сам черт. Во всяком случае, он был грязный и с бородой, хотя и без рогов. Но в следующую секунду опер вспомнил, что, как-никак, имеет среднее специальное образование, звание старшего лейтенанта полиции, а потому верить в чертей ему по статусу и зарплате не положено. А если даже и черт – что с того? Автомат, хоть не крест животворящий, но против нечистой силы очень даже эффективен.

Не исключено, конечно – это мирный дехканин, прочищающий ливневые стоки. Но почему нет таблички о проведении работ? И почему он без спецодежды?

О-о-о! Не мирный, не дехканин. Товарищ Бараев. Самый лучший по профессии. Не спутаешь. Образ вьелся в память на долгие годы.

Опер передернул затвор и постарался проорать как можно громче. Не столько для психологического эффекта, сколько для привлечения внимания покинувшего пост приятеля.

– Не двигаться!

Горло, однако, от волнения перехватило, и окрик вышел совершенно не впечатляющим. Не Левитановским. Сиплым каким-то, как у простывшего Винни-Пуха из старого советского мультика.

Но в планы пришельца из преисподней «не двигаться» не входило. Он резко качнулся в сторону, одновременно выхватывая что-то из кармана. Но точно не горшочек с медом. В подобных ситуациях достают какую-нибудь гадость, типа пистолета или финки. И звук вырванной чеки подтвердил опасения.

Все-таки либеральные ценности не очень уместны в некоторых житейских моментах. Вместо того чтобы спокойно, без паники, спустить крючок, Ромка отшвырнул автомат и вцепился в руку противника. А может, сработал защитный рефлекс. Такое случается. Когда на героя боевика несется авто, он, вместо того чтобы отскочить в сторону, прыгает на лобовое стекло.

Удивительное дело, но мандраж пропал. И Ромка даже боли не почувствовал, получив по лицу кулаком. Перстень на пальце бородача рассек бровь, залившая глаза кровь моментально окрасила светлый мир в багровые тона.

Но, возможно, боль осталась в тени, уступив место отчаянию. А какие еще эмоции может вызвать ручная граната, находящаяся в полуметре от твоей физиономии? Да еще в чужой руке, в любую секунду готовой разжаться? Уж точно не оргазм.

И инстинкт, а также житейский опыт подсказал, что руке нельзя дать совершить упомянутое движение. Пускай даже ценой потери лица.

Туманов услышал сиплый голосок коллеги, уже достигнув вершины. И по интонации понял, что придется спускаться. Визуальный ряд подтвердил опасения. Какое-то чмо сидело верхом на Ромке и левой рукой самым вульгарным образом колошматило его по физиономии. Сам же напарник, вместо того чтобы всеми имеющимися средствами воспрепятствовать столь недостойному поведению, обеими руками вцепился в правую кисть незнакомца и, что удивительно, не звал на помощь, хотя имел на это полное моральное право.

Дорога вниз заняла гораздо меньше времени, чем наверх.

– Глеб, не подходи, у него граната... – прохрипел Фокин, чей несчастный лик заливала кровь. – не могу больше держать...

Теперь понятно, почему он не звал на помощь. Гранате все равно, сколько вокруг людей. Зачем лишние жертвы?

А в новостях сообщат: «В ходе операции погиб один сотрудник спецподразделений». И всё.

Благородно. Но не разумно.

И еще неразумней вырубать Бараева, потому что Ромка разжал пальцы... И через четыре или пять секунд осколки и взрывная волна уничтожат все живое в радиусе, зависящем от боевых характеристик гранаты.

Если не спрятаться за камешком. Времени, в принципе, хватит.

Но его хватит и на другое.

Точка принятия решения. Точка невозврата. Доля секунды на выбор. Выбор сделан.

Туманов спикировал на руку басмача и подхватил упавшее знамя. А точнее, обхватил обеими руками кисти Ромки и снова сжал его пальцы на гранате и пальцах соперника. Наверно, со стороны это смотрелось забавно. Три здоровых мужика, лежа на земле, сжимают какую-то хреновину, словно футболисты кубок Чемпионов.

Но преимущество по-прежнему оставалось на стороне басмачества. Ведь у Бараева, в отличие от оперов, оставалась свободной левая рука. И она потянулась к отброшенному Фокиным автоматом.

Руки то руками, но есть у человека еще одно серьезное оружие. Голова. А точнее – зубы. Пускай даже и с кариесом.

Ими и воспользовался Глеб Павлович. По-волчьи впился в щеку гаду и оторвал кусок плоти вместе с частью бороды. Глотать не стал, просто выплюнул.

Такой боли не вытерпел бы и Терминатор. Бараев взревел, оставив затею с автоматом, и протянул руку к Туманову. При этом расслабил пальцы на гранате.

– Держу, – прохрипел Ромка, получивший небольшую передышку.

Туманов тут же вскочил и коленом нанес страшный удар в челюсть противника. Бараев, хоть и отличался крепостью здоровья и духа, но подобное унижение пережить не смог. Моментальный нокаут. Не пришлось даже добивать. Пять минут кайфа гарантировано.

Глеб же, помня о главном, тут же снова сжал пальцы Фокина на гранате.

Они осторожно поднялись, словно на голове у каждого стояло по хрустальной вазе.

– Сможешь кинуть? – тяжело дыша, спросил Глеб.

– Смогу...

– Давай, брат. Вот туда, за камни.

Туманов отпустил руки и упал на землю. Ромка как-то по-женски не столько метнул, сколько толкнул гранату в направлении гряды белых валунов. И тут же упал рядом с другом.

Взрыв не заставил себя ждать. Свиста осколков над головами никто не услышал. Грохот пощекотал барабанные перепонки так сильно, что еще несколько минут в башке монотонно звенела песенка «Я маленькая гранатка, и мне живется несладко...»

Бараев очухался, снова потянул руку к автомату. Трава под его головой из зеленой превратилась в бурую, но басмача это не тревожило. Глеб поднялся, уже без лишней суеты ткнул ему берцем под ребро, затем защелкнул на запястьях врага браслеты. Вынул из разности медицинского пакет и залепил ему пластырем рану на щеке.

– Кровью изойдет, а нам отвечать... С-сука...

Куском бинта вытер губы, сплюнул. Протянул Ромке оставшийся бинт.

– Бровь зажми...

– Я в ручье вымою, – Фокин взял бинт и, кое-как поднявшись, двинул к канаве, наполненной не чистой горной водой, а какой-то мутной жижей с запахом бензина.

– Не советую... Там зараза одна. Даже овцы не пьют. Просто зажми.

Туманов достал сигареты, присел на валун. Ромка вернулся и опустился рядом на траву, прижимая окровавленный бинт к глазу.

– Будешь? – Глеб протянул ему пачку.

– Давай.

«Зиппо» по обыкновению выплонуло пламя размером с олимпийский факел.

– Чего ты ее не настроишь? Морду спалили можно.

– Привык...

Оба одновременно затянулись и выпустили в утреннее небо ядовитый дым. Чемпионат по синхронному курению. Первое место.

– Спасибо, – сделав еще пару затяжек, негромко пробормотал Фокин, морщась от боли.

– Все нормально, брат...

Разумеется, благодарил некурящий Ромка не за сигарету.

Шкафыч – Миронов не скрывал радости. ФСБ Бараева третий год ловит, да не выловит, а парни его взяли, да еще живым. Это как олимпийское золото получить. Но горький опыт подсказывал, что расслабляться нельзя. В доме могут ждать сюрпризы.

Заперев басмача в БТР, Митрич позвал к себе оперативников и старших групп.

– Борщов – дом. Шевченко – двор и сарай. По огороду с миноискателем пройдишь обязательно... Сыскари – гараж. Оружие, боеприпасы и все такое... Ром, как сам?

– Терпимо.

Ромке уже оказали относительно квалифицированную помощь, обработав бровь перекистью и стянув рану пластырем. Швы отрядный врач наложит на базе.

– Короче! На все – полчаса. Крот с Маймуном – на чердак. Начнет собираться толпа – сразу сигнальте. Все, работаем! Следаки с комитетчиками выехали.

Бойцы рассыпались по двору.

Конечно, лучше, чтобы в гараже прятался нелегальный танк, но, увы. Всего лишь отечественная жутко грязная «Нива».

– Простенько и со вкусом, как говорила товарищ управдом, – прокомментировал Туманов, потирая подвернутую во время схватки ногу, – зато в глаза не бросается... Поглядим...

Двери салона оказались не заперты. Заднее сиденье и багажник были забиты картонными коробками. Пришлось выгружать и открывать каждую, однако этикетки не соврали – в коробках действительно находились металлические банки с тушенкой. Под ковриком в багажнике тоже не нашлось ничего интересного, кроме инструментов. Зато под задним сидением ждал сюрприз, гарантировавший небольшие, но премиальные. Тайничок. А в нем сокровища – четыре ручных гранаты и сверток из ткани с орнаментом. Разворачиваем, смотрим, радуемся.

– Блин, да это же «Винторез»! Новенький, еще в смазке...

Туманов аккуратно поднял винтовку.

– Винторез – это кличка?

– Нет, официальное название. Отличный аппарат! Применяется в войсках спецназначения. Говоря проще, диверсантами. Бесшумная стрельба, бронебойный патрон. Калибр девять миллиметров. Дальность поражения четыреста метров...

– Откуда знаешь?

– Полгода в оружейном отделе не прошли даром для мозгов и печени.

Глеб отсоединил магазин, внутри которого блестели несколько патронов.

– Оба... Ну, чего? Постреляем? Порадуем душу и глаз?

Напарник вместо ответа слегка поморщился. Он еще не отошел от приключения в овраге.

– Сразу в себя придешь. Как говорится, клин клином. Нет лучшей терапии, чем выпустить пару-другую пулю в воображаемого противника, – давай! Не дрейфь, он с глушителем, никто не прибежит.

Открыв небольшое окошко, Туманов окинул взором берег оврага, недалеко от того места, где они еще недавно сидели.

– О! Видишь котейку бездомного?.. Метров сто пятьдесят. На – попробуй! Представь, что это Бараев. Удивительно успокаивает. В башку целься.

– Сдурел? Это ж тварь божья...

– Ой, извини, обознался! Не котейка это, а ворона поганая на сосне. Вот в нее и стреляй. В сосну.

Ромка взял винтовку в руки, приложил к плечу, но потом отрицательно мотнул головой и протянул оружие обратно.

– Я лучше еще покурю.

– Ну, как хочешь...

Эффектно передернув затвор, Глеб Павлович высунул ствол в оконный проем и прицелился в сосну. Выстрел прозвучал негромко – будто из мелкашки. Ворона даже ничего не почувствовала. И не улетела. Хотя пуля вошла в ствол буквально в полуметре от нее.

– Есть! Точно в лоб... Нет больше Бараева. Не дожил до суда. Как говорил Спартак – смерть легату от ножа... Славный аппарат.

Он повернулся и посмотрел на напарника. Тот по-прежнему пребывал в состоянии вяло-текущего восприятия окружающей действительности, словно после затяжного запоя.

Туманов завернул винтовку обратно в тряпку.

– Ладно, закончили... Перетаскивай тушенку в бэтээр, а я тут еще пороюсь. Винтарь и гранаты пускай следователь с понятиями изымает.

– Зачем тушенка? У нас своей полно...

– Чтоб врагу не досталась. И не была бы утрачена в ходе следственных действий. Второе – реальной.

Ромка сделал шаг к машине, но вдруг закашлялся и согнулся в пояс. Выпитая только что водичка оказалась на гаражном полу. Рвота – защитная реакция.

– О-о-о, как вас развезло, милостивый государь... Сотрясение мозгов, похоже... Ладно. Я сам перетаскаю. Ступайте в дом, полежите где-нибудь. А то совсем укачает.

Улов оказался внушительным. В огороде саперы откопали пару «калашниковых» и четыре цинка с патронами, в подвале, в небольшом тайничке, нашли ящик гранат, в сарае под полом притаился еще один цинк – с гранатами для подствольника. Полный ваххабитский набор.

Изъятые сложили во дворе, тушенку же Глеб спрятал в БТР. Бараева перегрузили в свою машину прибывшие эфэсбешники. Бригада Следственного комитета приступила к составлению протокола и допросам свидетелей. Ромку по причине сотрясения оставили на потом, отпустив на базу.

После обеда пионерский отряд погрузился в заслуженный расслабон. Бойцы отсыпались, и по лагерю разносился совершенно неприличный для контртеррористических времен храп.

Ромке наложили пару швов на бровь, перевязали голову, дали спирта. Помимо брови, Бараев успел серьезно повредить ушную раковину и правую скулу, которая сильно распухла и делала Фокина похожим на Рокки Бальбоа в пятнадцатом раунде. Он сфоткался на мобильник и отправил портрет по ММС в родной мирный Юрьевск. Жене и дочке. Чтобы показывали всем и гордились. Жена не очень обрадовалась.

Он сидел на лавочке перед санчастью и оттаивал под лучами солнышка. Спирт сгладил острые углы, и утреннее происшествие не казалось таким серьезным. Ну, подумаешь, граната... Зато теперь он герой.

А Глеб – отличный мужик. Настоящий. Не убежал, не спрятался. И принял единственно верное решение. Ромка бы так, наверно, не смог. Это не в пинг-понг играть. А, может, смог... Тут не угадаешь.

Туманов остался возле дома Рамзана со следственной бригадой. Должен уже скоро вернуться.

И точно, отрядный УАЗ въехал во двор, остановился. Глеб выскочил из машины, увидел Ромку, быстро подошел, присел рядом, прикурил от своей огнедышащей игрушки.

– Ну, как ты? отошел?

– Башка трещит. Спирта дернул.

– Правильно... Слушай, у нас проблемы.

– Бараев загнулся?

– Да все б только обрадовались, – Туманов ругнулся, потом по-партизански огляделся, – там эти черти из «следствия» прицепились – где тушенка, где тушенка? Мол, Рамзан говорит, что было двенадцать коробок, а осталось три. Козлячество натуральное... Мы им Бараева добыли, а они с какими-то консервами... Разорались, мол, это улики, мы проверку проведем... В ОСБ материал отправим.

Глеб еще раз разбавил родную речь запрещенными в СМИ оборотами.

– Улики, блин... Я ж не для себя эту тушенку загрузил, для всех.

– А Митрич что?

– А что Митрич? Я ж ему не докладывал... Какая разница, сколько коробок? Можно подумать, от этого уголовное дело развалится и Бараева отпускать придется... Короче, Ром... Я показания дал, что никаких коробок не видел. Зашли в гараж, тебя развезло, блевать начал. Сразу и свалили, не успев обыскать.

– А «Винторез» с гранатами?

– Они уже сами изъяли... Обидно, палку не срубим, да чего уж тут... Тебя допрашивать завтра будут, так что, если речь о тушенке пойдет, ты уж подтверди. А не пойдет, и слава богу. Лады? Тем более, ты действительно коробки эти долбаные не грузил.

– А здесь-то не найдут?

– Банки стандартные, как патроны. На них не написано, откуда они. А коробки сожжем.

– Ладно... Скажу, не жалко. Не велик грех... С Гаджи что делать? Он так в зиндане и сидит.

О задержании Исмагилова, кроме Миронова, никому не докладывали.

Глеб потер подбородок и скривился. Словно заемщик, которому неожиданно напомнили про долг.

– Не получится его выпустить... Я следакам рассказал, откуда инфы на Бараева, они уперлись – никаких договоров, Исмагилова завтра к ним вместе с героином.

– Я ж тебе сразу говорил! – Ромка, несмотря на боль в челюсти, высказался довольно эмоционально, – мы ж ему обещали!

– Да ладно... Пусть спасибо скажет, что почки не опустили и вообще не хлопнули... Куда его отпускать? Чтоб завтра он снова басмачил? Ну на хрен... Ничего, за Бараева пару годков скосят. Так что все по-честному.

– По-честному, да не совсем, – не унимался Ромка, – Гаджи в зоне и трех дней не протянет. Бараевской братве уж всяко шепнут, кто настучал...

– Да и черт-то с ним, – Туманов раздраженно пнул камень ногой. Тот долетел аж до общежития, находившегося метрах в сорока, – рано или поздно все равно завалят. Пусть радуется, что ему захват заложника не вешаем... Если один бандит другого уколошил, или, допустим, нам сдал, крылышки у него от этого не вырастут. Он бандитом был и останется.

Рома покосился на коллегу-миротворца. Тот курил слишком нервно, не как обычно. По тому, как человек обращается с сигаретой, иногда можно сделать выводы о психологическом состоянии.

– Погоди... А зачем ты вообще следакам о нем сказал? Отпустили бы по-тихому.

– Ну, на фиг такие амнистии. Парня ФСБ разыскивает, проведает, что он у нас сидел, измену родине пришьют. А они точно проведает.

– Да ничего нам не пришьют... Ты понимаешь, что это... это, – Рома запнулся, подыскивая нужное слово.

– Ну, что это, что?

– Свинство это сказочное. Если, не сволочизм...

Туманов затушил окурок о подошву, резко поднялся со скамейки.

– Ром, ты чего – дурак? Демократов послушался? Про либеральные ценности? Парень, здесь война, хотя и мир. А на войне одно правило – если не ты, то тебя! Врубаешься? Ставь жестче ракетку! Соберись, салабон!

– Причем здесь демократы? Либо ты порядочный, либо нет.

– Ты это Бараеву расскажи. Если не мой сволочизм, он бы еще три года смертников засылал! Успокойся. Цель оправдывает средства... А с Гаджи мы в расчете... Он бы с тобой в такой ситуации торговаться не стал... Про тушенку не забудь.

Туманов, прихрамывая на левую ногу, направился в здание штаба.

Рома перевел взгляд на зиндан.

«Черт его знает... Может, Глеб и прав».

* * *

Транспортировка задержанных боевиков – штука засекреченная. Чтобы соратники не отбили по дороге. Но все равно время от времени отбивают, что напоминает о старой истине – секрет остается секретом до тех пор, пока он никому не нужен.

Гаджи увезли на следующий день. «Старшие братья» не присылали за ним транспорт, доверив, а точнее переложив эту почетную миссию на бойцов отряда. К зиндану подогнали «УАЗ» с бронезиловыми на боковых окнах, сунули в «стакан» задержанного и рванули с максимальной скоростью в районный центр. Рядом с водителем сел Фокин, сзади Глеб. Их собирались допросить об обстоятельствах задержания, поэтому пришлось ехать. Договорились, что эпизод с Дилей они озвучивать не будут.

Накануне Ромку допросили. Он, как и обещал, подтвердил слова Туманова, что «Ниву» они досмотреть не успели по причине приступа рвоты. Уточняющих вопросов о тушенке ему не задавали. Просто записали показания.

Гаджи, понятное дело, возмущался непорядочным поведением подлых оперов, кричал, что за него отомстят и все такое прочее, но Глеб коротко велел заткнуться.

Когда выезжали с территории отряда, Гаджи заорал кому-то по-дагестански, рассчитывая, что его крик пробьет стекло «стакана». Ромка по инерции выглянул из-за висящего броника на улицу. И пересекся взглядом с малопривлекательной личностью, торчавшей метрах в десяти от шлагбаума. Выражение лица незнакомца не радовало окружающий мир позитивом. Скорее, наоборот – с таким обычно встречают идущую в атаку толпу футбольных хулиганов. Личность была не одна. Еще несколько местных парней характерной наружности сидели на травке.

– Чего он проорал? – спросил Ромка у водителя, немного понимающего местные диалекты.

– Что-то про месть. Они все время орут про месть. Не обращай внимания.

В дороге и райцентре никаких происшествий не случилось. Гаджи с героином передали из рук в руки, следовательно допросил оперов по обстоятельствам задержания и отпустил с миром. Исмагилов еще раз пригрозил последствиями и еще раз получил от Туманова рекомендацию заткнуться и радоваться, что не убили.

В отряд вернулись после шести. Фокин отправился на доклад к Миронову о выполнении задачи. Упомянул о незнакомце и звонке Гаджиева брату. Шкафыч встретил известие без восторженных криков радости.

– Скорей всего это и был брат. Встречал... Он вас видел?

– Меня точно.

– Плохо... Как бы пакость не сделал, тут народ горячий, им до наших комбинаций дела нет... Вот что... Собирайтесь с Тумановым на дембель. От греха подальше. Я договорюсь в штабе о подмене. План по подвигам вы и так выполнили. Хотя поимку Бараева ФСБ на себя запишет. Уже намекнули. Ну, да шут с ними... Мы ж не за медали. Да, и давайте без отвальной.

– Конечно... Мы ж понимаем. Люди взрослые.

Отвальная проводилась в точном соответствии с давно устаканившимся ритуалом. Первый стакан всем отрядом – по поводу, второй – быстренько, чтоб пуля не пролетела – дабы повод был всегда, а чуть погода – молча! – и третий... После третьего основательно закусили, а после четвертого мероприятие постепенно приобрело свободный характер. Под потолком повис густой табачный туман, окурки тушили уже не в консервных банках, а прямо в тарелках, и пили не из своего стакана, а из того, который ближе. Фальшиво забрэнчала расстроен-

ная гитара. Собравшиеся разбились на небольшие группы, где, независимо от их состава, разговоры неизбежно скатывались к самому главному в их жизни – к работе. И лишь изредка к искусству.

– ... Прикинь? Сама, стерва, мужа сдала, и сама же потом на следака жалобы катает! Мало он ее валтохал.

– Это что... – по-дирижерски взмахнул рукой Шевченко, – в Южном районе прошлой весной вообще улет был. Мужик – слепой! – жену свою в измене заподозрил. Решил проверить... Вернулся домой раньше обычного и в шкаф залез. И действительно – его благоверная с хахалем заявляется. Приняли они, стало быть, горизонтальное положение и приступили к процессу. Тут слепой из шкафа и вывалился... Уж не знаю, каким макаром, но он этого любовника поймал и придушил. В своей-то квартире на ощупь мог пройти, а здоровьем бог не обидел. Ручища такая, что в браслет не влезает... Точно говорю! Мы, когда его в изолятор отвозили, две пары наручников надевали... Ну, стало быть, встал вопрос: что делать с трупом? Сначала они вдвоем с супружницей заволокли его в ванную, перерезали горло и кровку спустили. А потом мужик заперся с трупом в туалете, отрезал ножом по кусочку и спускал в унитаз... Больше суток просидел за работой, прикиньте? Вслепую. Потом кости покрошил топором, сложил в мешок, туда – гантельку десятикилограммовую и ночью – в реку с железнодорожного моста... Криминальное чтиво!

– И как раскрыли? – спросил кто-то из мужиков.

– Сам поутру с повинной пришел. Крыша, наверное, поехала... Так я к чему? Жена его не выдала! Не знаю ничего, и баста... У нас с мужем, типа, любовь, а потому в семье все тип-топ. Полный абажур, как говорят французы... Только когда им очняк устроили, раскололась. Вот и пойми этих баб, да?

– Очняк со слепым? Это сильно...

Выслушав очередную любовную историю, Глеб заметно помрачнел, словно и был тем самым слепым мужем. Поискал глазами Ромку. Тот сидел отдельно от всех и тоже не веселился, хотя дембель – это всегда праздник. Тарелка перед ним была пустой, что во время поголовной пьянки считается моветоном.

Туманов подсел к нему.

– Ну, что? Голова обвязана, кровь на рукаве...

Роман лениво покосился на рукав тельняшки, запачканной маслом от шпрот.

– Ты из-за Гаджи, что ли?.. Понимаю. Будущий борец за чистоту рядов не способен на бесчестный поступок.

– Причем здесь чистота рядов? Иногда палачи бывают порядочней врачей.

– А давай, вон, у мужиков спросим... Или у женщин, которых Бараев вдовами сделал. Как думаешь, что скажут?.. Не хочешь? То-то и оно...

– Мужики, есть дело! – раздалось над головами приятелей.

Уши Хатхи под воздействием алкоголя приобрели не просто малиновый, а ярко-малиновый оттенок. Хоть прикуривай. Да и самого инспектора при его габаритах уже пошатывало. Но он держал равновесие и даже сохранял некоторые коммуникативные способности. Сказывался богатый опыт подготовки и проведения протокольных мероприятий в полевых условиях.

Он протянул длинную ручищу, взял с противоположной стороны стола бутылку и разлил коньяк по кружкам.

– Давайте, чтобы... как говорится!..

Чокнулись, выпили. Глеб закурил, поднялся с лавки и, хлопнув Фокина по плечу, вернулся к сгрудившимся вокруг Шевченко бойцам. Последний вполголоса читал рассказ собственного сочинения. Любил он писательство, особенно в скучных командировках. Свежее творение посвящалось ракам-мутантам, которые наловили людей, сварили живьем и со смаком ели под пиво, обсуждая, что в человеке съедобно, а что лучше выбросить. И какие люди

вкусней – белые, черные или голубые. Оказывается, черные и голубые, и их надо есть в первую очередь. Фантазер-извращенец-расист-гомофоб. Народ смеялся. Потому что ловля и поедание раков было одним из любимых развлечений «сводников». А расизм и гомофобия вошли в привычку.

Хатхи же подсел к героическому «своднику» Фокину.

– Ромыч... – воровато оглянувшись, наклонился к будущему борцу с оборотнями инспектор очень специальной связи, – тебе ничего переправить не надо? В Юрьевск?

– В смысле? Что переправить?

– Ну... Мало ли... Фельдъегерской почтой хоть пулемет отправить можно – ее не досматривают... Не, ты не думай! Я не того... Так, по мелочи. Сувениры всякие, наборы натовские, ракетницы... На Новый год запустить. Это же все отбирают... Тебе, как своему, скидка будет.

– А-а-а... Не, Лех, не надо, спасибо... погоди, как это – отбирают? Нас чего, обыскивать будут?!

– А ты как думал... Ребятки из местной собственной безопасности. Твои, можно сказать, новые коллеги. Здесь-то их не видать. На блокпостах, где безопаснее, палки делают... – Хатхи тряхнул головой и с трудом поднялся с лавки. – Ну, если что – обращайся!

Ромка проводил его взглядом, потом плеснул себе полкружки самодельного коньяку и с видом человека, глотающего яд, влил в себя коричневую жидкость. Обожгло, но веселей не стало. Наоборот, алкоголь, как ни странно, действовал отрезвляюще. Слишком много навалилось на него за последние дни...

Краем глаза он засек, как контрабандист от спецсвязи подсел к Глебу и принялся что-то нашептывать. До Романа доносились лишь отдельные слова – «натовские наборы», «по мелочи», «скидка». Туманов сначала слушал вполуха, но затем затушил в консервной банке сигарету и подбородком показал Котову в сторону выхода из барака.

В вагончике, установленном рядом с постом ГИБДД, было до отвращения чисто. Операционная, прямо, а не помещение для досмотра. Сотрудник в столь же чистеньком камуфляже с погонами капитана без стеснения раскрыл чемодан Фокина и натренированными движениями стал прощупывать содержимое.

Стоявший рядом Глеб, чей багаж ожидал очереди, несильно толкнул напарника в бок и презрительно усмехнулся.

– Нравится? И работа не пыльная, и боевые платят.

Капитан слышал это каждый день, потому научился не реагировать на едкие комментарии. Хотя имел право учинить досмотр с пристрастием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.